

О вліяніи Лицея на творчество Пушкина.

Рѣчь В. П. Гаевского.

Лицей сдѣлалъ мнѣ честь приглашеніемъ участвовать въ сегодняшнемъ чествованіи памяти Пушкина, и сказать нѣсколько словъ о жизни или произведеніяхъ великаго поэта. Съ большимъ сочувствіемъ принимаю приглашеніе, но сознаю всю трудность задачи. О Пушкинѣ такъ много написано, его жизнь и сочиненія такъ часто служили предметомъ разностороннихъ изысканій, что трудно сказать что-либо новое и интересное. Съ другой стороны дѣятельность Пушкина представляетъ такой неистощимый предметъ для изученія, что въ ней все еще открываются новыя, нетронутыя стороны. На которой же изъ нихъ остановиться? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мнѣ подсказываютъ кругъ моихъ слушателей и мѣсто нашей бесѣды. Вспоминая въ Лицеѣ о его гениальномъ питомцѣ, говоря о Пушкинѣ среди лицействова, всего естественнѣе остановиться на томъ вліяніи, которое Лицей имѣлъ на творчество Пушкина. Желая быть возможно краткимъ, и оставляя въ сторонѣ общія разсужденія о вліяніи воспитанія, ограничусь весьма немногими чертами; при чемъ не буду касаться лицейскихъ стихотвореній, такъ какъ о нихъ мы только

что выслушали живое и полное интереса изслѣдованіе Я. К. Грота.

Въ исторіи литературы едва ли найдется примѣръ болѣе сильнаго воспитательнаго вліянія, чѣмъ то, которое оказалъ Лицей на Пушкина, и которое болѣе или менѣе высказывается во всѣ періоды его творчества. Произведенія Пушкина имѣютъ автобіографическое значеніе. По нимъ можно прослѣдить развитіе умственной жизни поэта; въ нихъ чувствуется связь внѣшнихъ впечатлѣній съ его внутреннимъ міромъ; на нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются вліянія, которымъ онъ подчинялся. Эта особенность, то ослабѣвая, то возвращаясь съ новою силою, проходитъ чрезъ всю дѣятельность Пушкина, и многія изъ его лучшихъ произведеній даже послѣдняго времени озарены, по его выраженію,

Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

(Посланіе Пушкину 1826 г.).

Событія лицейской жизни, начиная съ того дня, когда онъ 12-лѣтнимъ мальчикомъ поступилъ въ Лицей, уже даютъ ему образы для высоко-художественныхъ произведеній. Вотъ какъ по прошествіи 25 лѣтъ, въ послѣдней «Лицейской Годовщинѣ» 1836 г. Пушкинъ вспоминаетъ объ открытіи Лицея:

Вы помните: когда возникъ Лицей,

Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ—

И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ

Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.

(19 Октября 1836 г.).

Куницынъ, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ и образованнѣйшихъ преподавателей своего времени, и занималъ въ Лицеѣ съ 1811 по 1816 г. кафедру логики и нравственной фило-

софіи Привѣтствіе, сказанное Куницынымъ при открытіи Лицея, было «Наставленіе воспитанникамъ о цѣли о пользѣ ихъ воспитанія». Рѣчь эта произвела впечатлѣніе, и Пушкинъ неоднократно вспоминаетъ о Куницынѣ, имѣвшемъ на него нравственное вліяніе.

Куницыну дань сердца и вина!

Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень...

Поставленъ имъ краеугольный камень,

Имъ чистая лампада возжена...

(19 Октября 1825 г.).

Эти четыре стиха, конечно больше чѣмъ всѣ сочиненія Куницына, сохранять имя его отъ забвенія.

Послѣ Куницына выдающееся значеніе по своему вліянію имѣлъ Кошанскій, уже пользовавшійся нѣкоторою извѣстностью въ литературѣ, и преподававшій русскую и латинскую словесность и неизбѣжную въ то время риторикѣ. Къ счастью для Лицея, при самомъ его учрежденіи уже вѣяло въ обществѣ новою жизнью, и профессорамъ предписывалось «тщательно избѣгать пустыхъ школьныхъ украшеній», и переходя отъ простаго повѣствованія къ слогу ораторскому и возвышенному, не ускорять симъ послѣднимъ, «дабы не дать дѣтямъ ложнаго и напыщеннаго вкуса, а показать имъ только сей послѣдній родъ издалика и мимоходомъ». Разумѣется, нельзя было ожидать, чтобы Кошанскій отказался отъ убѣжденій, но онъ не могъ не чувствовать, что они уже были анахронизмомъ для молодого поколѣнія, и покорялся духу времени. Лекціи его походили на бесѣды, вслѣдствіе чего установилось сближеніе между профессоромъ и воспитанниками. Но тѣмъ не менѣе Кошанскій оставался представителемъ напыщеннаго классицизма, надъ которымъ тогдашніе лицеисты уже не мало подсмѣивались.

Къ небольшому числу преподавателей, имѣвшихъ вліяніе на Пушкина, слѣдуетъ отнести и Галича, автора «Исторіи философскихъ системъ», который одинъ изъ первыхъ содѣйствовалъ распространенію у насъ философскаго образованія, и подвергся въ 1824 г. жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны Магницкаго и Рунича. Галичъ назначенный въ помощь Кошанскому, котораго отвлекало отъ преподаванія управленіе Лицеємъ по смерти перваго директора Малиновскаго, занимался съ воспитанниками съ мая 1814 по іюнь 1815 г. Хотя Галичъ только промелькнулъ въ Лицеѣ, но имя его въ этотъ краткій періодъ безпрестанно встрѣчается у Пушкина. Въ стихотвореніи *Пирующіе студенты*, автографъ котораго находится въ Лицеѣ, и которое, въ видахъ благонравія, переименовывалось въ печати въ *Пирующіе друзья*, Пушкинъ вѣрно изобразилъ Галича, котораго называетъ апостоломъ нѣги и прохлады, и младшимъ братомъ Эпикура. Галичъ былъ предобрый и презабавный чудакъ, и обращался съ воспитанниками какъ съ друзьями. Онъ занимался съ ними всеѣмъ, исключая своихъ предметовъ, читалъ театръ Коцебу, выслушивалъ стихи, и только въ ожиданіи посѣщенія начальства, изрѣдка заглядывавшаго на лекціи, принимался за Корнелія Непота или Цицерона, приговаривая: «потреплетъ старика!» Далекій отголосокъ этого выраженія находимъ въ концѣ 2-й главы *Евгенія Оньгина*:

О ты, чья память сохранить
 Мои летучія творенья,
 Чья благосклонная рука
 Потреплетъ лавры старика!

Воспоминаніями того же времени начинается 8-я глава *Евгенія Оньгина*:

Въ тѣ дни когда въ садахъ Лицея
 Я безмятежно расцвѣталъ,
 Читалъ охотно Апулея,
 А Цицерона не читалъ...

Въ первоначальной редакціи было:
 Читалъ охотно Елисея,
 А Цицерона проклиналъ...

Елисей—шуточная поэма Василя Майкова, которую восхищался Пушкинъ даже за порогомъ Лицея, какъ видно изъ письма его къ А. Бестужеву 1823 г.

Вліяніе названныхъ трехъ лицъ, хотя имѣло весьма значительную долю въ литературномъ развитіи Пушкина, но ограничивалось Лицеемъ, и притомъ не было преобладающимъ. Несравненно большее вліяніе на развитіе творческаго духа Пушкина имѣла совокупность тѣхъ необыкновенно благопріятныхъ обстоятельствъ и случайностей, которыя, по волѣ судьбы, окружали его, и въ которыхъ Лицею принадлежитъ первенствующая роль. Необыкновенная торжественность открытія Лицея, военныя событія и вызванный ими небывалый еще подъемъ народнаго духа,—вотъ первыя глубокія впечатлѣнія, отразившіяся на творчествѣ Пушкина:

Вы помните: текла за ратью рать;
 Со старшими мы братьями прощались,
 И въ снѣнъ наукъ съ досадой возвращались,
 Завидуя тому, кто умирать
 Шелъ мимо насъ ..

(19 Октября 1836 г.).

Ни въ одной литературѣ нѣтъ ничего равносильнаго по искренности и глубинѣ патріотическаго чувства и по художественности его выраженія. Зависть, о которой упоминаетъ Пушкинъ, одушевляла все тогдашнее юношество, и великій поэтъ, по прошествіи четверти вѣка, является выразителемъ патріотическаго порыва, еще

никогда не воплощавшагося въ такія высоко-художественныя формы. Къ этому же циклу поэтическаго творчества относятся: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* 1815 г., *Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ* 1829 г., *Къ тѣни полководца*, *Клеветникамъ Россіи* и *Бородинская годовщина*. Въ послѣдней даже чувствуется еще вліяніе, хотя уже весьма отдаленное, державинской оды *На взятіе Варшавы* (1794 г.). Всѣ эти пять одъ имѣютъ внутреннюю связь, проникнуты однимъ настроеніемъ, въ нихъ звучать тѣ же патріотическія струны, которыхъ еще въ Лицеѣ заслушивались Державинъ, Дмитріевъ и Жуковскій. Но какъ далеко отъ нихъ шагнулъ Пушкинъ, и какая неизмѣримая разница между нимъ и всѣми его предшественниками и въ достоинствѣ языка, и въ красотѣ выраженія!

Царское Село съ своими историческими воспомина-ніями, величественными садами и памятниками военной славы, гдѣ

... каждый шагъ въ душѣ рождаетъ

Воспоминанья прежнихъ лѣтъ,

(*Воспом. въ Ц. С. 1815 г.*)

неоднократно вдохновляло Пушкина. Его оба воспомина-нія въ Царскомъ Селѣ, хотя отдаленныя одно отъ другого на 14 лѣтъ, вызваны тѣми же впечатлѣніями, написаны одинаковымъ размѣромъ, и служатъ какъ бы дополненіемъ другъ другу. Но второе носитъ болѣе личный характеръ и выражаетъ душевное настроеніе поэта по возвращеніи послѣ долгихъ тревогъ въ спокойное уединеніе Царскаго Села, которое онъ называлъ «отечествомъ».

Къ числу причинъ, благопріятствовавшихъ развитію Пушкина, слѣдуетъ отнести литературное направленіе, составлявшее отличительную черту лицейскаго воспи-

танія. Подъ руководствомъ Кошанскаго и при содѣйствіи нѣкоторыхъ воспитателей образовались бесѣды, на которыхъ каждый изъ воспитанниковъ обязанъ былъ рассказать что-нибудь. Такимъ образомъ являлся рассказъ за рассказомъ, въ которыхъ подробности вводились и развивались нѣсколькими лицами, и въ короткое время образовался запасъ рассказовъ и анекдотовъ, которые потомъ записывались, читались въ дружескомъ кругу, переходили изъ рукъ въ руки, и послужили матеріаломъ для лицейскихъ журналовъ, изъ которыхъ первый, подъ названіемъ «Вѣстникъ», явился уже въ декабрѣ 1811 г. На этихъ бесѣдахъ, бывшихъ литературною школою и первымъ поприщемъ Пушкина, онъ рассказалъ въ главныхъ чертахъ двѣ повѣсти, которыя обработалъ впослѣдствіи, и напечаталъ подъ заглавіями: *Выстрѣлъ* и *Мятежь*. Такимъ образомъ оба эти произведенія, напечатанныя въ 1830 г., въ числѣ «Повѣстей Бѣлкина», обязаны своимъ происхожденіемъ Лицею. Нѣтъ сомнѣнія, что эта литературная школа наиболѣе содѣйствовала самообразованію воспитанниковъ, развивала ихъ вкусъ и воображеніе, и приближала къ главнымъ условіямъ художественнаго творчества, реальности содержанія и изяществу формы.

Наиболѣе рѣшительное вліяніе на стремленія и наклонности Пушкина имѣлъ тотъ литературный кругъ, въ которомъ онъ обращался съ дѣтства, и который еще расширился въ Лицеѣ. Одновременно съ Пушкинымъ поступило туда семеро воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона, уже давно отличавшагося литературнымъ направлениемъ. Труды его воспитанниковъ печатались въ сборникахъ, и между пансіонерами существовало литературное общество, имѣвшее уставъ. Это же направленіе, при содѣйствіи Кошанскаго, ко-

торый самъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и преподавалъ въ его пансіонѣ, было перенесено въ Лицей, и попавъ на готовую почву, получило дальнѣйшее развитіе. Пушкинъ еще въ Москвѣ, въ домахъ отца и дяди, извѣстнаго поэта Василя Львовича, имѣлъ случай встрѣчаться со многими писателями. Одинъ изъ нихъ А. И. Тургеневъ, пріятель отца, особенно содѣйствовалъ опредѣленію Пушкина въ Лицей, самъ привезъ его изъ Москвы, и принималъ горячее участіе въ его литературныхъ опытахъ и первыхъ успѣхахъ. Тургеневу же суждено было 50 лѣтъ тому назадъ навсегда увезти Пушкина изъ Петербурга. Литературныя связи расширялись по мѣрѣ успѣховъ, и еще въ Лицеѣ Пушкинъ познакомился съ Державинымъ, Дмитриевымъ, Нелединскимъ - Мелецкимъ, Карамзинымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ, который подарилъ ему свои стихотворенія, и княземъ Вяземскимъ, съ которымъ съ 1816 г. вступилъ въ дружескую переписку, не прерывавшуюся до конца жизни.

Говоря о кружкахъ, оставившихъ вліяніе на Пушкина, нельзя не упомянуть объ офицерахъ лейбъ-гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ. Лицейсты встрѣчались съ ними въ семейныхъ домахъ и особенно въ манежѣ, посѣщеніе котораго было обязательно для воспитанниковъ, готовившихся въ военную службу. Хотя въ извѣстной *Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ* Пушкинъ не особенно лестно отзывается объ ихъ большинствѣ, но между ними были люди съ европейскимъ образованіемъ и любившіе литературу. Съ нѣкоторыми изъ нихъ еще въ Лицеѣ установилась дружба, основанная на общихъ умственныхъ интересахъ, и продолжавшаяся всю жизнь. Ярче другихъ въ этомъ кружкѣ выдѣлялся П. Я. Чаадаевъ, одинъ изъ образованнѣй-

шихъ людей своего времени, въ послѣдствіи знаменитый авторъ надѣлавшихъ столько шуму *Философическихъ писемъ*. Къ его портрету Пушкинъ, при выпускѣ изъ Лицея, написалъ извѣстную надпись; ему же посвятилъ три превосходныя посланія, постоянно искажавшіяся цензурою; а Грибоѣдовъ изобразилъ его въ Чацкомъ. Вспомнимъ съ благодарностью, что ходатайству Чаадаева Пушкинъ отчасти обязанъ избавленіемъ отъ ссылки, угрожавшей ему въ 1820 г. за оду *Вольность*. Изъ другихъ офицеровъ, съ которыми подружился Пушкинъ, назовемъ бывшаго геттингенскаго студента Каверина и Зубова, фамиліи которыхъ неоднократно встрѣчаются у Пушкина. Обоиъ онъ написалъ въ альбомы при выпускѣ изъ Лицея, а о Каверинѣ вспоминаетъ въ 1-й главѣ *Евгенія Онгина*. Гусарскіе же офицеры являются дѣйствующими лицами въ упомянутыхъ двухъ повѣстяхъ *Выстрѣлъ* и *Мятедь*.

Наибольшее вліяніе на творчество Пушкина имѣлъ Батюшковъ. Вліяніе это, уже замѣтное въ 1814 г., продолжалось и за порогомъ Лицея, и чувствовалось даже въ лучшую пору творчества Пушкина. Въ Батюшковѣ его увлекали и содержаніе, заимствованное у любимыхъ ими обоими французскихъ эротическихъ поэтовъ, особенно Парни, и необыкновенныя для того времени изящество формы и музыкальность стиха, въ которыхъ Батюшковъ не имѣлъ тогда соперниковъ. Изъ лицейскихъ стихотвореній въ подражаніе ему написаны посланія: *Къ сестрѣ*, *Къ другу — стихотворцу*, *Къ Батюшкову*, *Пирующіе студенты*, *Городокъ*, *Воспоминаніе* и нѣкоторыя другія. Въ произведеніяхъ позднѣйшаго періода уже гораздо менѣе подражаній Батюшкову, но вліяніе его чувствуется еще во многихъ, преимущественно антологическихъ стихотвореніяхъ: *До-*

рида, *Нереиды* (1820 г.), «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда» и *Муза* (1821 г.). Это послѣднее стихотвореніе, по признанію самого Пушкина, напоминаетъ Батюшкова. Оно вписано въ альбомъ Иванчину-Писареву, и на вопросъ его Пушкину, почему онъ выбралъ именно это, а не другое стихотвореніе, Пушкинъ отвѣчалъ: «Я люблю его, оно отзывается стихами Батюшкова». Послѣдній слѣдъ его вліянія находимъ въ 1833 г. въ одномъ изъ самыхъ зрѣлыхъ произведеній Пушкина, *Мѣдномъ Всадникѣ*. Мысли и даже нѣкоторыя выраженія въ этой высоко-художественной поэмѣ заимствованы изъ описанія Батюшкова *Прогулка въ Академію Художествъ*, которое Пушкинъ зналъ еще въ Лицеѣ. Странно, что никто изъ многочисленныхъ изслѣдователей Пушкина не обратилъ вниманія на эти заимствования, впервые указанные въ вышедшемъ сегодня изданіи литературнаго фонда. Приводимъ для сравненія выдержки изъ того и другого произведенія.

У Батюшкова читаемъ:

«Воображеніе представило мнѣ Петра, который обзрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные».

А у Пушкина:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И въ даль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася.

У Батюшкова:

«Изъ крѣпости Нюсканцъ еще гремѣли шведскія пушки, когда великая мысль родилась въ умѣ великаго человѣка. Здѣсь будетъ городъ, сказалъ онъ, чудо свѣта».

У Пушкина:

И думалъ онъ:
Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложень.

У Батюшкова:

«Сюда призову всѣ художества, всѣ искусства».

У Пушкина:

Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ.

У Батюшкова:

«Что было на этомъ мѣстѣ до построения Петербурга? Дремучій боръ или тонкое болото... Сказаль—и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота».

У Пушкина:

Прошло сто лѣтъ, и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.

У Батюшкова: «Ближе къ берегу — лачуга рыбака, кругомъ которой развѣшены были мрежи, невода и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда съ трудомъ пробирался длинновласый финнъ... Великолѣпныя зданія ярко отражались къ зеркалѣ Невы»...

У Пушкина:

Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальной пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣсятся
Дворцовъ и башенъ...

Приведенное сопоставленіе поучительно и въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ иногда ничтожное обстоятельство или самая обыкновенная мысль воспри-

нимаются творческою силою воображенія и воплощаются въ художественные образы. Приемы Пушкинскаго творчества представляютъ многочисленныя къ тому примѣры. Приведу одинъ изъ нихъ, еще неизвѣстный. Въ 1834 г. Пушкинъ писалъ женѣ изъ Петербурга въ Москву о семейныхъ дѣлахъ. Письмо было, по обыкновенію, распечатано на почтѣ, и по совпаденію именъ, послужило поводомъ къ новымъ подозрѣніямъ и непріятностямъ. Потребовалось объясненіе, но обвиненія были такъ нелѣпы, что разсѣялись немедленно. Эта набѣжавшая тучка дала мысль для прелестнаго стихотворенія:

Послѣдняя туча разсѣянной бури...

Повидимому между послѣдствіями письма и стихотвореніемъ не существуетъ никакой внутренней связи, но въ подобныхъ необъяснимыхъ процессахъ мысли и заключается непроницаемая тайна художественнаго творчества.

Оканчивая рѣчь, не могу не обратить вниманія на ту роковую случайность, которая еще крѣпче связываетъ Лицей съ именемъ Пушкина. Въ Лицеѣ раздались его первыя пѣсни; въ его же память прозвучала послѣдняя, 19 октября 1836 г. Послѣ этой, 25-й годовщины, Пушкинъ уже ничего не писалъ... Его славное поприще завершилось вдохновеннымъ обращеніемъ къ Лицею. Да послужить оно завѣтомъ и для насъ, и для будущихъ поколѣній, да процвѣтаетъ взлелѣявшій Пушкина, родной нашъ Лицей, и да хранитъ онъ свои священные преданія, съ которыми навсегда связано имя великаго поэта!

29 Января 1887 года.

ВЪ ПАМЯТЬ
ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ КОНЧИНЫ

А. С. ПУШКИНА.

Изданіе Императорскаго Александровскаго Лицея.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голицына, Троицкій пер., д. № 18—20.
1887.